

Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей Муромцем (2)

А от то́го от морюшка от синёго,
А от того от камешка от Златыря,
А от той как от бабы от Златыгорки
А родился тут Сокольник-наезник.
А ише отроду Соколку двенадцать лет.
А-й да пригрело-припёкло тут красное солнышко;
А выходил тут Сокольник на красное крыльцо,
А посмотрел он во дутоцку подзорную
А на то же на посолонь сонца красного.
А во-первы́, он глядел да на синё море,
А во-вторы́, глядел он да во чисто поле —
А задрил-засмотрел в поле три шатрика.
Заходил где-ка Сокольник во светлу грядню,
А ише падал своей матери во резвы ноги:
«А уж ты ой еси, родима моя матушка!
Ише дай-ко-се мне благословленице:
Я поеду, молодец-парень, во чисто поле!»
Говорила тут родима да ёго матушка:
«Уж ты ой еси, моё дитя сердеснёе!
А годами-то ведь ты еще молодёхонько,
А умом-разумом ты нонь глупёхонько!»
А говорит тут Сокольник-наезник:
«А уж ты дай-ка мне ехать благословленице.
А да не дашь ты как нонь — да я поеду же!»
А да дала где ему благословленице.
Да пошел де-ка Сокольник да на конушин двор,
Ише брал себе коня — да лошадь добрую,
А да седлал-де, уздал да коня доброго,
Надевал на себя латы кольцюжные,
Ише брал себе луцёк да каляну стрелу,
А ише брал себе сабельку тут вострую,
Ише брал себе палочку буёвую
А ише то же копейце да брусоменьцато,

А да седлал-де, уздал да тут коня доброго.
А мать-та ему да нонь наказыват,
Молодому-ту ему да наговариват:
«А ты поедёшь, моё дитяtko, во цисто полё,
А ты наедёшь, моё дитяtko, на три шатрика:
А во первом шатри Илеюшка-стары казак,
А во втором шатри Добрынюшка Микитиць млад,
А во третьём шатри Олёша всё Поповиць млад.
А у Илеюшки конь-от да наусив где сив,
Ише сам-от Илейка да наубел где бел,
Голова-та у Илеюшки седым-седа,
А борода-та у Илеюшки нонь белым-бела.
А не доежживай, дитяtko, — с коня скаци,
Не дохаживай, дитяtko, — целом ударь:
Ишше тот как тебе да родной батюшко!»
А да садилсэ Сокольницёк на добра коня,
А поехал Сокольницёк во цисто полё.
А ездит он в поли да розъежжаицьсе,
А своим вострым копейцём да потешаицьсе:
А кинал востро копьё кверьху по поднебесью,
Правой руцьюшкой он бросит, да левой подхватит.
Ише сам он ко копейцю да приговариват:
«Уж я сколь бы я лёкко тобой, копьём, владел —
Ише так бы мне владать бы да старым казаком!
А-й да Илеюшку я Муромьця конём стопьцю,
Уж я руських-то богатырей повысмотрю,
А на востру тут их сабельку повырублю,
А на белу их бумажецьку повыпишу,
Уж я Киев-от град да во полон возьму,
Уж я Божьи-то церкви да на огни сожгу,
А у князя у Владимера голову срублю,
А Опраксею-кнегину да за себя возьму!»
Ише было во ту пору, во то время
Выходил где Илеюшка из бела шатра.
А гледел он во дутоцьку во подзорную
А на тó же на пóсолонь сóньця крáсного.
Во-первых, он гледел на крашон Киев-град,
А во-вторых, он гледел да на синё морё,
Во-третьих, он гледел сам во цисто полё.

Он завидял где в поли да неприятеля —
А того же дороднёго добра молоцца.
Заходил где Илеюшка во белой шатёр,
Закрыцьял где Илейка тут громким голосом:
«А уж вы ой еси, удалы добры молоцци,
Уж вы руськие могуцие богатыри!
Ишша полно-ко вам спать, да вам пора ставать:
Я завидял где в поли да неприятеля —
А того же дородня да доброго молоцца!
А ишше надо молоцца да принаехати,
Принаехати надо да приокликати.
А ише хто из нас поедёт да во цисто полё?
А Олёши-то ехать — да не доехати,
Не доехать Олёши да не окликати.
А Добрынюшка было дитятко умноё,
А <и>шше можот молоцца он да принаехати,
Принаехати ёго можот, приокликати!»
Ише стал тут Добрынюшка срежатисе,
Ише стал тут Микитиць да сподоблятисе:
А надевал на сибя латы кольцюжняя;
Ише брал сибе луцёк да калену стрелу,
А ише ту-де как сабельку нонь вострую,
А ише ту-де как палоцьку буёвую,
А ише то же копейцё да брусоменьцято.
А седлал где, уздал да коня доброго.
А да поехал-де Добрынюшка во цисто полё
А да к тому же ко дороднёму доброму молоцц[ю].
А наехал молоцця тут на цистом поли —
А стал у молоцца да всё выпрашивать:
«Уж ты здрастуёшь, удалой да доброй молодець!
А которово ты города, коей земли?
А какого оцьця, какой ты матери?
Ише как тибя, молодець, именём зовут?
Да куда же ты едёшь да кúда прависьсе?»
А спроговорит Сокольницёк-наезницёк:
«А еду я от морюшка от синёго,
А от то́го от камешка от Златыря,
А от той-де от бабы да от Златыгорки —
А зовут меня Сокольницёк-наезницёк!

А Илеюшку я Муромьця конём стопцю,
А уж я руських-то богатырей повысмотрю,
А на востру их сабельку повырублю,
А на белу их бумажецьку повыпишу,
Уж я Киёв-от град да во полон возьму,
Уж я Божьи-то церкви все на огни сожгу,
А у князя у Владимира голову срублю,
А Опраксею-кнегину да за себя возьму!»
А ишше тут же Добрыня да свет Микитиць млад
А поехал-де Добрыня да ко белым шатрам.
А стрецят ёго Илья да нонь стары казак.
А говорит-де Добрыня да таковы слова:
«А едёт, робята, — да не моя цёта,
Не моя цёта едёт и не мне родня:
А он едёт от морюшка от синёго,
А от того от камешка от Златыря,
А от той-де от бабы да от Златыгорки, —
А зовут ёво Сокольницьком-наезницьком!»
А говорит-де стары казак Илья Муромець:
«А ише преже Резань да слободой слыла,
А ише ноньце Резань да словёт городом —
А ише неким мне-ка, старику, заменитисе,
А неким мне-ка, старику, распоредитисе!»
А стал тут Илеюшка срежатисе,
А ише стал-де стары казак сподоблятисе:
А надевал на сибя латы кольцюжные,
Ишше брал сибя луцёк тут да калену стрелу,
Ишше ту где сабельку нонь вострую,
Ишше ту где-ка палоцьку буёвую,
Ишше то же копейцё да брусоменьцято.
А поскоре он садилсэ да на добра коня,
А поехал Илейка да во цисто полё
А к тому-де дороднёму доброму молоццю.
Ише сам говорит тут да таковы слова:
«А не застрелил ты гуся — нонь теребишь тут,
А не спробовал молоцьця — да ноньце хвастаёшь!»
А не золото с золотом сливалосе,
А не серебро с серебром стекалосе,
А не две-де горы вместях сокаталосе —

А [не] два молоцьця вмястях соежжалосе.
А да розъехалісь на сабелькі на вострыя —
А сабелькі у іх тут пошшорбалісе.
А розъехалісь на палоцькі на буёвыя —
А тут іны друг друга не ранилі,
А палоцькі у іх в руках розвухалісе.
А розъехалісь на копейця тут на вострыя —
А копейця-ты у іх в руках поламалісе.
А стрелелі тут іны да ноньце друг друга —
Іны самі сябя да тут не ранилі.
А соскоцілі іны да са добрых коней,
А да схватілісь іны да тут в охабоцьку.
А воділісь іны с утра дзень да вецёра,
А са вецёра іны да да полу ноці,
А с полу гдз ноці да да бела гдз свету —
А заброділі іны да в пол колен грэзі.
А па Ілеюшкіну было нонь да па нешчасьцію,
А па Сокольнікову было да ноньце счасьцію
Іше права-та руцька прамахнуласе,
Іше лева-та ножецька ізвернуласе —
А бросал-дзе-ка Сокольнік на маты сыру зямлю.
А скакал-дзе Ілейкі да на белы груды,
А ростегівал латы да всё кольцюжныя,
А хоць пороты да всё белы груды,
А хоць выматы да ретыво сэрцьё.
Гаворыў тут Ілеюшка-стары казак:
«А не ланно у святых отьцей напісана,
А не ланно у святых отьцей удумана,
Шчо Ілеюшкі быць тут да не убітому!»
А гаворыў гдз Сокольніцёк-наезніцёк:
«Уж ты старой, ты старой, да старой глупой нонь!
А іше некым те-ка, старому, заменітисе,
Іше некым те-ка, старому, распоредітисе!
А паставіў бы, старой, ноньце ты келейку
В край гдзе-ка, старой, да край дорожецькі —
Іше сталі бы ты, старога, поіць-корміць!»
А гаворыў гдз стары казак Ілья Муромець:
«А не выдай мяня, Осподі, на поруганьне,
А нецїстому тотарыну на потарзаньё:

А не стоял ле я за церкви да я за Божьи нонь,
А за те за поцёсьные монастыри,
А за тех я за вдов за благоверные?»
А у Илеюшки силы вдвоём прибыло,
У Сокольника силы вдвоём убыло:
А шибал где Сокольника со белых грудей.
А скакал где ёму да на белы груди,
А ростегивал латы да всё кольцожные,
А вымал-де из-за малуцья свой булатной нож —
Ише хоцёт пороть да всё белы груди,
Ише хоцёт вымать да ретиво серьцё.
А увидял-де Илейка свой старинной крес —
А брал молоцца да за белы руки,
Подымал молоцца да на резвы ноги,
Ишше стал у молоцца да всё выпрашивать:
«А которого ты города, коей земли?
А какого оцця, какой ты матери?
А как тибя, молодець, именём зовут?»
А говорил тут Сокольницёк-наезницёк:
«Кабы был, кабы жил я на твоих грудях —
А не спросил бы я не имени, не вотцины,
Не отецесьва я, не молодецесьва!»
И ишше тут-де Илейки за беду пришло,
За велику досаду показалосе:
А вынял Илейка саблю вострую —
Отрубил у Сокольника буйну голову.
А поехал Илеюшка ко белым шатрам,
А воткнул где главу да на востро копьё,
А сам он, Илейка, да похваляицьсе:
«А на веку́ такого цюда я не видывал,
На веку́ такого цюда да я не слыхивал!»
Ише тут же Сокольницьку славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 24 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок Погорельской вол. — от Рассолова Ермолая Васильевича (из д. Печище), 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.